

Ф. Тютчев**С ЧУЖОЙ СТОРОНЫ**
(Из Гейне)

На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.

Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет одинока...
(1823-1824)

ЛИСТЬЯ

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть век не желтеет,
Но век не свежа.

Мы ж, легкое племя,
Цветем и блестим
И краткое время
На сучьях гостим.
Все красное лето
Мы были в красе,
Играли с лучами,
Купались в росе!...

Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели,
Зефиры ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!

О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим,
Летите, летите!
Мы с вами летим!...
(сентябрь-октябрь 1830)

х х х

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою?
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?

Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей...
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце, нежась, блещет,
И смеется над тобой...
(1835)

х х х

Обвеян вещею дремотой,
Полураздетый лес грустит...
Из летних листьев разве сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на ветви шелестит.

Гляжу с участием умиленным,
Когда, пробившись из-за туч,
Вдруг по деревьям испещренным,
С их ветхим листьем изнуренным,
Молниевидный брызнет луч.

Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь так немощно и хило,
В последний улыбнется раз!...
(15 сентября 1850)

ПЕРВЫЙ ЛИСТ

Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьем молодым
Стоят обвеяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачную, как дым...

Давно им грезилось весной,
Весной и летом золотым, -
И вот живые эти грезы,
Под первым небом голубым,
Пробились вдруг на свет дневной...

О, первых листьев красота,
Омытых в солнечных лучах,
С новорожденною их тенью!
И слышно нам по их движенью,
Что в этих тысячах и тьмах
Не встретишь мертвого листа.
(Май 1851)

х х х

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит –
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован, -
Не мертвец и не живой –
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мечет
На него свой луч косой –
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.
(31 декабря 1852)

х х х

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней какою негой веет
От каждой ветки и листа!

Войдем и сядем под корнями
Дерев, поимых родником, -
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.

Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены,
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины.
(Конец августа 1857)

М. Ю. Лермонтов

ТРИ ПАЛЬМЫ (восточное сказание)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..

Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли – в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые выюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке наклоняя,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копьё на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван;
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студеной ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне все дико и пусто кругом –
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит –
Его лишь песок раскаленный заносит.
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.
(1839)

На севере диком стоит одиноко
- На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма растет.
(1841)

Афанасий Фет

х х х

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.

Как гроздья винограда,
Ветвей концы висят, -
И радостен для взгляда
Весь траурный наряд.

Люблю игру денницы
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птицы
Страхнут красу ветвей.
(1842)

А. М. Жемчужников

ПРИДОРОЖНАЯ БЕРЕЗА

В поле пустынном, у самой дороги, береза,
Длинные ветви раскинув широко и низко,
Молча дремала, и тихая снилась ей греза;
Но встрепенулась, лишь только подъехал я близко.

Быстро я ехал, она свое доброе дело
Все же свершила: меня осенила любовно;
И надо мной, шелестя и дрожа, прошумела,
Наскоро что-то поведать желая мне словно -

Словно со мной поделилась тоской безутешной,
Вместе с печальным промолвив и нежное что-то...
Я, с ней прощаясь, назад оглянувшись поспешно, -
Но уже снова ее одолела дремота.

Осип Мандельштам

Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с древа,
Среди немолчного напева
Глубокой тишины лесной.
(1908)

На бледно-голубой эмали,
Какая мыслима в апреле,
Березы ветки поднимали
И незаметно вечерели.

Узор отточенный и мелкий,
Застыла тоненькая сетка,
Как на фарфоровой тарелке
Рисунок, вычерченный метко, -

Когда его художник милый
Вывозит на стеклянной тверди,
В сознании минутной силы,
В забвении печальной смерти.
(1909)

Воздух пасмурный влажен и гулок,
Хорошо и нестрашно в лесу.
Легкий крест одиноких прогулок
Я покорно опять понесу.

И опять к равнодушной отчизне
Дикой уткой взовьется упрек, -
Я участвую в сумрачной жизни,
Где один к одному одинок!

Выстрел грянул. Над озером сонным
Крылья уток теперь тяжелы,
И двойным бытием отраженным
Одурманены сосен стволы.

Небо тусклое с отсветом странным -
Мировая туманная боль -
О. позволь мне быть также туманным
И тебя не любить мне позволь!
(1911)

ИМПРЕССИОНИЗМ

Художник нам изобразил
Глубокий обморок сирени
И красок звучные ступени
На холст как струнья положил.

Он понял масла густоту, -
Его запекшееся лето
Лиловым мозгом разогрето,
Расширенное в духоту.

А тень-то, тень все лиловой,
Свисток иль хлыст как спичка тухнет.
Ты скажешь: повара на кухне
Готовят жирных голубей.

Угадывается качель,
Недомалеваны вуали,
И в этом сумрачном развале
Уже хозяйничает шмель.
(23 мая 1932)

Полюбил я лес прекрасный,
Смешанный, где козырь - дуб.
В листьях клена - перец красный,
В иглах еж - черноглуб.

Там фисташковые молкнут
Голоса на молоке,
И когда захочешь щелкнуть -
Правды нет на языке.

Там живет народец мелкий,
В желудевых шапках все,
И белок кровавый белки
Крутят в страшном колесе.

Там шавель, там вымя птичье,
Хвой павлинья кутерьма,
Ротозейство и величье
И скорлупчатая тьма.

Тычут шпагами шишиги,
В треуголках косачи,
На углях читают книги
С самоваром палачи.

И еще грибы волнушки
В сбруе тонкого дождя
Вдруг поднимутся с опушки
Так – немного погода...

Там без выгоды уроды
Режутся в девятый вал,
Храп коня и крап колоды,
Кто кого? Пошел развал –

И деревья, брат на брата,
Восстают. Понять спеши:
До чего аляповаты,
До чего как хороши!
(2-7 июля 1932)

Я к губам подношу эту зелень –
Эту клейкую клятву листов,
Эту клятвopеступную землю:
Мать подснежников, кленов, дубков.

Погляди, как я крепну и слепну,
Подчиняясь смиренным корням;
И не слишком ли великолепно
От гремучего пара глазам?

А квакуши, как шарики ртути,
Голосами сцепляются в шар,
И становятся ветками прутья
И молочной выдумкой пар.
(30 апреля 1937)

На меня нацелилась груша да черемуха –
Силою рассыпчатой бьет меня без промаха.

Кисти вместе с звездами, звезды вместе с кистями, -
Что за двоевластье там? В чьем соцветьи истина?

С цвету ли, с размаха ли бьет воздушно-целыми
В воздух, убиваемый кистенями белыми.

И двойного запаха сладость неуживчива:
Борется и тянется – смешана, обрывчива.
(4 мая 1937)

Николай Клюев
(«Лесные были» 1919)

От кудрявых стружек тянет смолюю,
Духовит, как улей, белый сруб.
Крепкогрудый плотник тешет колья,
На слова медлителен и скуп.

Тепел паз, хватисты кокоры,
Крутолоб тесовый шеломок.
Будут рябью писаны подзоры
И лудянкой выпестрен конек.

По стене, как зернь, пройдут зарубки:
Сукрест, лапки, крапица, рядки,
Чтоб избе-молодке в красной шубке
Явь и сон мерещились – легки.

Крепкогруд строитель-тайновидец,
Перед ним щепя, как письмена:
Запоет резная пава с крылец,
Брызнет ярь с наличника окна.

И когда оческами кудели
Над избой вздохматится дымок –
Сказ пойдет о Красном Древодеде
По лесам, на запад и восток.

ОСИНУШКА

Ах, кому судьбинушка
Ворожит беду:
Горькая осинушка
Ронит лист-руду.

Полымем разубрана.
Вся красным-красна,
Может быть, подрублена
Топором она.

Может червоточина
Гложет сердце ей,
Черная проточина
Въелась меж корней.

Облака по просини
Крутятся в кольцо.
От судины-осени
Вянет деревцо.

Ой, заря-осинушка,
Златоцветный лет,
У тебя дегинушка
Разума займет!

Чтобы сны стожарные
В явь оборотить,
Думы – листья зарные
По ветру пустить.

ЛЕС

Как сладостный орган десницею небесной
Ты вызван из земли, чтоб бури утишать,
Живым дарить покой, жильцам могилы тесной
Несбыточные сны дыханьем навевать.

Твоих зеленых волн прибой тысячеустный
Под сводами души рождает смутный звон,
Как будто моряку тоскующий и грустный
С родимых берегов доносится поклон.

Как будто в зыбях хвой рыдают серафимы,
И тяжки вздохи их и гул скорбящих крыл
О том, что Саваоф броней неуязвимой
От хищности людской тебя не оградил.

х х х

Не в смерть, а в жизнь введи меня,
Тропа дремучая лесная!
Привет вам, братья-зеленя,
Потемки дупел, синь живая!

Я не с железом к вам иду,
Дружась лишь с посохом да рясой,
Но чтоб припасть в слезах, в бреду
К ногам березы седовласой.

Чтоб помолиться лику ив,
Послушать пташек-клирошанок,
И, брашен солнечных вкусив,
Набрать младенческих волвянок.

На мху, как в зыбке, задремать
Под баю-бай осиплой ели...
О, пуца-матерь, тучки прядь,
Туман, пушистее кудели.

Как сладко брагою лучей
На вашей вечери упиться,
Прозрев, что веткою в ручей
Душа родимая глядится!

Николай Гумилев

ДЕРЕВЬЯ

Я знаю, что деревьям, а не нам,
Дано величье совершенной жизни.
На ласковой земле, сестре звездам,
Мы – на чужбине, а они – в отчизне.

Глубокой осенью в полях пустых
Закаты медно-красные, восходы
Янтарные окраске учат их, -
Свободные, зеленые народы.

Есть Моисеи посреди дубов,
Марии между пальм... Их души, верно,
Друг другу посылают тихий зов
С водой, струящейся во тьме безмерной.

И в глубине земли, точа алмаз,
Дробя гранит, ключи лепечут скоро,
Ключи поют, кричат – где сломан вяз,
Где листьями оделась сикомора.

О, если бы и мне найти страну,
В которой мог не плакать и не петь я,
Безмолвно поднимаясь в вышину
Неисчислимые тысячелетья!
(1916-1918)

Владимир Набоков

ДОЖДЬ ПРОЛЕТЕЛ

Дождь пролетел и сгорел на лету,
Иду по румяной дорожке.
Иволги свищут, рябины в цвету,
Белеют на ивах сережки.

Воздух живителен, влажен, душист,
Как жимолость благоухает!
Кончиком вниз наклоняется лист
И с кончика жемчуг роняет.
(1917)

БЕРЕЗЫ

Стволы сквозь легкое, зеленое сиянье
Белеют тонкие, и воздух освежен
Грозой промчавшейся. Чуть слышный перезвон
Дробится надо мной, чуть слышное журчанье;
И по невидимым качается волнам
Трава, вся в тeneвых лиловых паутинах,
Вся в ослепительных извилинах; а там,
Меж светлых облаков роскошно-лебединых,
Струится радуга и смутно с высоты
Мне улыбается, в лазури влажной тая,
Такая нежная, невинная, святая,
Что умиленные склоняются листья,
Роня длинные, сверкающие слезы;
И это жизнь моя, и это край родной,
Родная красота; и льется надо мной
Сиянье легкое, зеленое – березы ...
(1921)

Марина Цветаева

БУЗИНА

Бузина цельный сад залила!
Бузина зелена, зелена!
Зеленее, чем плесень на чане,
Зелена – значит лето в начале!
Синева – до скончания дней!
Бузина моих глаз зеленой!

А потом – через ночь – костром
Ростопчинским! – в очах красно
От бузиновой пузырчатой трели.
Красней кори на собственном теле
По всем порам твоим, лазорь,
Рассыпающаяся корь.

Бузины – до зимы, до зимы!
Что за краски разведены
В мелкой ягоде, слаще яда!

Кумача, сургуча и ада –
Смесь, коралловых мелких бус –
Блеск, запекающей крови – вкус!

Бузина казнена, казнена!
Бузина – цельный сад залила
Кровью юных и кровью чистых,
Кровью веточек огнекистых –
Веселейшей из всех кровей:
Кровью сердца – твоей, моей...

А потом – водопад зерна,
А потом – бузина черна,
С чем-то сливовым, с чем-то липким.
Над калиткой, стонавшей скрипкой
Возле дома, который пуст, -
Одинокий бузинный куст.

Бузина, без ума, без ума
Я от бус твоих, бузина!
Степь – хунхузу, Кавказ – грузину,
Мне – мой куст под окном бузинный
Дайте. Вместо Дворцов Искусств
Только этот бузинный куст...

Новоселы моей страны!
Из-за ягоды бузины,
Детской жажды моей багровой,
Из-за древа и из-за слова:
Бузина (по сей день – ночами...),
Яда – всосанного очами...

Бузина багрова, багрова!
Бузина – цельный край забрала
В лапы: детство мое у власти,
Нечто вроде преступной страсти,
Бузина, меж тобой и мной.
Я бы века болезнь – бузиной
Назвала...
(11 сентября 1931 – 21 мая 1935)

Рябину
Рубили
Зорькою.
Рябина –
Судьбина
Горькая.
Рябина –
Седыми
Спусками...
Рябина!
Судьбина
Русская.
(1934)

Мой письменный верный стол!
Спасибо тебе, что ствол
Отдав мне, чтоб стать – столом,
Остался – живым стволом!

С листвы молодой игрой
Над бровью, с живой корой,
С слезами *живой* смолы,
С корнями до дна земли!
(17 июля 1933)

ДЕРЕВЬЯ

Мятущийся куст над обрывом –
Смятение уст под наплывом
Чувств...

Кварталом хорошего тона –
Деревья с пугливым наклоном
(Клонились – не так – над обрывом!)
Пугливым, а может – брезгливым?

Мечтателя – перед богатым –
Наклоном. А может – отвратом
От улицы: всех и всего там –
Курчавых голов отворотом?

От девушек – сплошь без стыда,
От юношей – то ж – и без лба:
Чем меньше – тем выше заносят!
Безлобых, а завтра – безносых.

От тресков, зовущихся: речь,
От лака голов, ваты плеч,
От отроков – листьев новых
Не видящих из-за листовок,

Разрываемых на разрыв.
Так и лисы в лесах родных,
В похотливый комок смешаюся, -
Так и лисы не рвали мяса!

От гвалта, от мертвых лис –
На *лисах* (о смертный рис
На лицах!), от свалки потной
Деревья бросаются в окна –

Как братья-поэты – в реку!
Глядите, как собственных веток
Атлетикою – о железо
Все руки себе порезав –
Деревья, как взломщики, лезут!
И выше! За крышу! За тучу!
Глядите – как собственных сучьев
Хроматикой – почек и птичек –
Деревья, как смертники, кличут!

(Был дуб. Под его листвою
Король восседал...)
- Святой

Людовик – чего глядишь?
Погиб – твой город Париж!
(1934)

Федерико Гарсиа Лорка

ДЕРЕВО ПЕСЕН

Все дрожит еще голос,
Одинокая ветка,
От минувшего горя
И вчерашнего ветра.

Ночью девушка в поле
Тосковала и пела,
И ловила ту ветку,
Но поймать не успела.

Ах, луна на ущербе!
А поймать не успела.
Сотни серых созвездий
Оплели ее тело.

И сама она стала,
Как певучая ветка,
Дрожью давнего горя
И вчерашнего ветра.

Николай Рубцов

х х х

Доволен я буквально всем!
На животе лежу и ем
Бруснику, спелую бруснику!
Пугаю ящериц на пне,
Потом валяюсь на спине,
Внимая жалобному крику
Болотной птицы...

Надо мной
Между березой и сосной
В своей печали бесконечной
Плывут, как мысли, облака,
Внизу волнуется река,
Как чувство радости беспечной...
Я так люблю осенний лес,
Над ним – сияние небес,
Что я хотел бы превратиться
Или в багряный тихий лист,
Иль в дождевой веселый свист,
Но, превратившись, возродиться
И возвратиться в отчий дом,
Чтобы однажды в доме том
Перед дороною большою
Сказать: - Я был в лесу листом!
Сказать: - Я был в лесу дождем!
Поверьте мне: я чист душою...

БЕРЕЗЫ

Я люблю, когда шумят березы,
Когда листья падают с берез.
Слушаю – и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез.

Все очнется в памяти невольно,
Отзовется в сердце и в крови.
Станет как-то радостно и больно,
Будто кто-то шепчет о любви.

Только чаще побеждает проза,
Словно дунет ветер хмурых дней.
Ведь шумит такая же береза
Над могилой матери моей.

На войне отца убила пуля,
А у нас в деревне у оград
С ветром и с дождем шумел, как улей,
Вот такой же желтый листопад...

Русь моя, люблю твои березы!
С первых лет я с ними жил и рос.
Потому и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез...

СОСЕН ШУМ

В который раз меня приветил
Уютный древний Липин Бор,
Где только ветер, снежный ветер
Заводит с хвоей вечный спор.

Какое русское селенье!
Я долго слушал сосен шум,
И вот явилось просветленье
Моих простых вечерних дум.

Сижу в гостинице районной,
Курю, читаю, печь топлю.
Наверное, будет ночь бессонной,
Я так порой не спать люблю!

Да как же спать, когда из мрака
Мне будто слышен глас веков,
И свет соседнего барака
Еще горит во мгле снегов.

Пусть завтра будет путь морозен,
Пусть буду, может быть, угрюм,
Я не просплю сказанье сосен,
Старинных сосен долгий шум...

УЛЕТЕЛИ ЛИСТЬЯ

Улетели листья
с тополей –
Повторилась в мире неизбежность...
Не жалея ты листья, не жалея,
А жалея любовь мою и нежность!
Пусть деревья голые стоят,
Не кляни ты шумные метели!
Разве в этом кто-то виноват,
Что с деревьев листья
улетели?

х х х

У сгнившей лесной избушки,
Меж белых стволов бродя,
Люблю собирать волнушки
На склоне осеннего дня.

Летят журавли высоко
Под куполом светлых небес,
И лодка, шурша осокой,
Плывет по каналу в лес.

И холодно так, и чисто,
И светлый канал волнист,
И с дерева с легким свистом
Слетает прохладный лист,

И словно душа простая
Проносится в мире чудес,
Как птиц одиноких стая
Под куполом светлых небес...

СЕВЕРНАЯ БЕРЕЗА

Есть на севере береза,
Что стоит среди камней.
Побелели от мороза
Ветви черные на ней.
На морские перекрестки
В голубой дрожащей мгле
Смотрит пристально березка,
Чуть качаясь на скале.
Так ей хочется «Счастливо!»
Прошептать судам вослед.
Но в просторе молчаливом
Кораблей все нет и нет...
Спят морские перекрестки,
Лишь прибой гремит во мгле.
Грустно маленькой березке
На обветренной скале.
(1957)

Давид Самойлов

х х х

Когда кругом цветут сады,
Душа, забывшись, отдыхает
От суесловья и вражды
И свежесть яблони вдыхает.

Она устала прозревать
Грядущее. Она устала
Прошедшее переживать,
Минувшее твердить с начала.

Она устала от оков
И, отдыхая, вновь готова
Поверить в свежесть облаков
И в святость образа людского.

х х х

Милая жизнь! Протеканье времен.
Медленное угасание сада.
Вот и ничем я не обременен.
Сказано слово, дописана сага.

Кажется, все-таки что-то в нем есть –
В медленном, в неотвратимом теченье,
Может, о вечности тайная весть
И сопредельного мира сечение.

Осень. Уже улетели скворцы.
Ветер в деревьях звучит многострунно.
Грустно. Но именно в эти часы
Так хорошо, одиноко, безумно.

Римма Казакова

х х х

Ухожу в лесок –
Как вода в песок.
И в зеленый лист,
И в залетный свист

В воду талую,
В хвою палую
И в сиренинку
Пятипалую.

Ухожу в травинки невзрачные
И в грунтовые воды незрячие.

И в сумерки чащи,
И в ключик блестящий,
И в лучик полянки-прогалинки...

Только сыну скажу:
«Ухожу, ухожу!» -
Он поймет,
Потому что он маленький.

Евгений Бачурин

ДЕРЕВА

Дерева вы мои, деревья,
Что вам головы гнуть-горевать,
До беды, до поры
Шумны ваши шатры,
Терема, терема, терема.
Я волнуем и вечно томим
Колыханьем – дыханьем твоим,
Что ни день, то весна,
Что ни ночь, то без сна,
Зелено, зелено, зеленым!
Мне бы броситься в ваши леса,
Убежать от судьбы колеса,
Где внутри ваших крон
Все малиновый звон,

Голоса, голоса, голоса.
 Говорят, как под ветром трава,
 Не поникнет моя голова,
 Я и верить бы рад
 В то, о чем говорят,
 Да слова, все слова, все слова.
 За резным, за дубовым столом
 Помянут нас недобрым вином,
 А как станут качать
 Да начнут величать
 Топором, топором, топором!
 Ах вы, рощи мои, дерева,
 Не рубили бы вас на дрова.
 Не чернели бы пни,
 Как прошедшие дни,
 Деревя вы мои, дерева!
 (1971)

Юнна Мориц

х х х

Какой ценой оплачено смирение,
 Листва сказать могла бы и трава,
 Сказал бы ландыш или куст сирени,
 Но нет смиренья там, где есть слова!

х х х

Что говорят деревья друг о друге?
 Что птицы друг о друге говорят?
 Что друг о друге говорят зверюги,
 Стрекозы, бабочки, холмы и все подряд

С небес летящие на землю снегопады,
 Дожди и грады? .. На свету, в тени,
 В лицо, и в спину, и тайком строча доклады, -
 Что друг о друге говорят они?

И есть ли там общественное мнение,
 Зависит от которого река,
 И ласточка, и ветра дуновенье,
 И путь, который держат облака? ..

х х х

Там звонкий лес на местности холмистой
 Посвистывает птицами ... Листвой
 Играет ветер – всхлипы, вздохи, свисты –
 Из каждой щели, дырочки живой,
 Такая музыка, внезапно капля екнет,
 С листа на листа, с листа на лист лиясь,
 Ее и ловит тот, кто глубже вогнут,
 И капля счастья с ним вступает в связь.

Но звук исчез в той заросли узорной,
 Когда внезапно райские врата
 Нам распахнулись! .. Там сиял озерный,
 Слепящий свет – зеркальная плита,
 Где плыли солнце, хлопья снежных лилий,
 Желтки кувшинок, строфы облаков,
 И, отражаясь, там шарами плыли
 Кусты в овальной раме берегов.

Внезапность этой тишины и света
 Слезами шла глазам наперерез.
 И озеро, как рукопись завета,
 Держало путь к себе, сойдя с небес.
 Наш проводник поймал руками рыбку
 И отпустил, ныряя в облака.
 Прошло сто лет. Я превратилась в скрипку,
 Цена старинной скрипки велика.

х х х

Не бывает напрасным прекрасное.
 Не растут даже в черном году
 Клен напрасный, и верба напрасная,
 И напрасный цветок на пруду.

Невзирая на нечто ужасное,
 Не текут даже в черной тени –
 Волны, пенье, сиянье напрасное
 И напрасные слезы и дни.

Выпадало нам самое разное,
 Но ни разу и в черных веках –
 Рожь напрасная, вечность напрасная
 И напрасное млеко в сосках.

Дело ясное, ясное, ясное –
 Здесь и больше нигде, никогда
 Не бывает напрасным прекрасное!
 Не с того ли так тянет сюда

Сила тайная, магия властная,
 Звездный зов с берегов, облаков, -
 Не бывает напрасным прекрасное! -
 Ныне, присно, во веки веков ...

P.S.

ПЕСЕНКА

Износилось тело,
 Все его детали, -
 Что-то отлетело,
 Что-то подлатали.

Кое-что валяется
 Где-то под столом,
 Оно легко вставляется,
 Но тут же воспаляется –
 Вот какой облом! ..